

Иван Асташин / Фото со страницы Владимира Акименкова в фейсбуке

03.07.2019, 09:02 Москва

СТАТЬИ

«Пытки и ФСБ»: письмо фигуранта «дела АБТО» из колонии

Фигурант «дела Автономной боевой террористической организации» Иван Асташин девятый год находится в заключении. Его обвинили в причастности к серии поджогов, которые ФСБ посчитала террористической деятельностью. Асташин рассказал в письме ОВД-Инфо, почему задержанному ФСБ так сложно сообщить о пытках и что мешает это сделать на всех этапах — от ИВС до суда. Письмо публикуется с незначительными правками.

«Приговоры, вынесенные сотрудникам ФСБ, мы не обнаружили вообще. Но и к правозащитникам, как

рассказал [юрист «Комитета против пыток“] Сергей Бабинец, жалобы на пытки со стороны сотрудников этого ведомства поступают редко (всего 18 случаев за 6 лет)».

Это цитата из **статьи** «Новой газеты» Алеси Мараховской и Ирины Долининой «Кто поднимает Россию на дыбу». Отталкиваясь от нее, можно подумать, что дяденьки чекисты и вовсе никого не пытаются, а 18 случаев за 6 лет — это всё наветы врагов.

В то же время это не так. А точнее, совсем не так. Самые свежие подтверждения применения пыток ФСБ — «дело Сети» и **октябрьский доклад** членов ОНК Санкт-Петербурга Екатерины Косаревской и Яны Теплицкой.

Может быть, раньше не пытали? Пытали еще как! Меня и моих сообвиняемых чекисты пытали при задержаниях в 2010 году — и чувствовалось, что им это не в новинку.

Но остается вопрос: почему же тогда так мало жалоб на пытки со стороны ФСБ? Почему жертвы чекистского насилия не обращаются даже к правозащитникам?

«ПРИЕМКА»

Задержание с участием ФСБ почти всегда силовое. Они не представляются. Если не задействован спецназ ФСБ, то это просто люди в штатском с компактным, но качественным оружием в руках, в масках или без масок. Порой они даже не кричат «Лежать!», а «враг государства» уже лежит на полу, лицом в пол, руки в наручниках за спиной, на голове мешок.

Бывает, пытаются прямо на месте задержания, как было, например, с фигурантами «дела НСО-Север». Их пытали прямо в квартире жилого дома. И пытали, надо сказать, не хуже средневековой инквизиции. Владу Тамамшеву, которому при задержании прострелили ноги, лили

в огнестрельные раны аккумуляторную кислоту. Других «НСОшников» пытали более «традиционными» методами.

Мою обвиняемую, Ксению Поважную, тоже пытали на квартире, о чем я упоминал в статье «[Чекистский террор](#)».

В иных случаях пытаются во время «доставки». В служебном автомобиле или в условном лесу. Меня оба раза пытали в машине. О своем задержании я подробно писал в публикации «[Фальсификация и электростанция](#)».

После истязаний обычно везут в то место, где будут официально оформляться «явки с повинной», проводиться допросы и т. д. В Москве задержанных по громким делам часто доставляют на Петровку, 38 (Главное управление МВД по Москве — *ОВД-Инфо*). Свои апартаменты ФСБ старается не осквернять появлением в них «преступного элемента».

ПЕТРОВКА, 38

В ночь на 5 марта 2010 года в здании ГУВД по Москве меня ослепил свет — потому что до этого всю дорогу с момента задержания мои глаза были плотно закрыты шапкой, натянутой мне на голову чекистами. Это были первые часы несвободы. И поначалу я даже не знал, где нахожусь. В ответ на загадочные реплики силовиков мелькала мысль: «Неужели Петровка?» Да, сынок, это Петровка — главный ментовской символ страны.

Но, как и везде в стране, на Петровке, 38 высшую власть имеют чекисты — для них здесь нет закрытых дверей и запрещенных методов, и тон работы, в случае необходимости, тоже задают они.

И вот я как будто на сцене, где идет какой-то безумный спектакль. Я сижу на стуле, прикованный к нему наручниками, а вокруг куча людей. И все подходят, что-то

спрашивают, кто-то фотографирует, кто-то кому-то рассказывает про меня, кто-то просит спустить штаны и показать татуировку. И при этом все эти люди знают, что меня привезли на Петровку ФСБшники, знают, что меня пытали и я «во всем сознался». И они — а это в основном опера уголовного розыска и сотрудники Центра «Э» — сейчас пытаются собрать объедки с барского стола, хватиться за то, что не интересуется ФСБ. «А этого знаешь? А этого знаешь? А приемную МВД вы подожгли?» Чекисты здесь же, следят, чтобы все шло по сценарию.

Выжав из пленника всю возможную оперативную информацию, дружный коллектив переходит к бюрократии. Какой-нибудь опер подсаживается к тебе и начинает диктовать текст «явки с повинной».

Бывает, здесь же, в одном из кабинетов, сидит следователь. Ему позвонили среди ночи и доложили, что «опасный преступник» пойман — надо допросить, пока тепленький, пока нет адвоката. Нет, адвокат, конечно, будет при допросе, но это будет правильный адвокат, шепчущий, что признание вины облегчит участь «оступившегося».

Допросов может быть много — в разных отделах, у разных следователей. И это не считая бесконечных оперов. Все хотят что-нибудь урвать со «свежатинки».

После первого ареста меня сутки (24 часа!) таскали по допросам. Петровка, 38 — УВД по ЮАО — Солнцевский ОВД. А таскали чекисты, те самые, что давеча меня пытали. Возили на своей служебной «десятке».

ИВС

Но рано или поздно тебя доставят в ИВС (изолятор временного содержания — *ОВД-Инфо*). Возможно, это

будет ИВС № 1 — тюрьма внутри Петровки, 38.

Скорее всего, тебя посадят в камеру с «утками» — какими-нибудь Котом и Дроном — зеками, добывающими информацию у недавно арестованных. Что это «утки» (их еще называют «наседки»), бывает, понимаешь сразу, а бывает — спустя некоторое время. Они могут просто слушать тебя, могут задавать какие-нибудь вопросы наподобие: «А ты Сашу Поткина знал? Помню, мы с ним в 2005...» Могут прямо склонять к сотрудничеству со следствием.

В некоторых регионах, например, в Красноярске, в ИВСах также организуются пресс-хаты.

Пока ты находишься в ИВС, тебя постоянно выводят в кабинет, а там — опять опера, опять следователь, а может быть, и корреспондент «Московского комсомольца» или НТВ. Только для тебя это все одно — неприятные персонажи, требующие признаться в том, чего ты не совершал, и оговорить других людей. За это обещают тебя не бить и дать поменьше срок — не 15 лет, а всего 5.

При этом никаких телефонных звонков. Никаких свиданий (твои родные пока могут даже не знать, где ты находишься). А про возможность отправки письма ты еще не думал. Впрочем, даже если ты напишешь письмо, его отдадут вначале следователю.

Ты во власти системы. И ты один.

«ПРЕСЕЧКА»

Через двое суток после официального задержания, которое часто оформляют на день позже реального, арестованного обязаны вывезти в суд, чтобы «избрать меру пресечения». Проще говоря, суд должен дать добро держать обвиняемого несколько месяцев в СИЗО.

В суде ты можешь впервые после ареста увидеть своих родных. А можешь и не увидеть, даже если они у тебя есть, — откуда им знать, что нынче в 15:00 тебя доставят в Пресненский районный суд города Москвы?

В худшем варианте на суде, кроме тебя, будут лишь судья, следователь, прокурор и «правильный» адвокат.

Но даже в «лучшем» случае с родными ты вряд ли поговоришь. А адвокату «по назначению» ***** [плевать] — он здесь для мебели. И ты снова один.

Иван Асташин в ОИК-30 по Красноярскому краю, 2019 год / Фото со страницы Владимира Акименкова в фейсбуке

Начинается заседание. Следователь зачитывает ходатайство, в конце: «...может скрыться. Прошу суд избрать меру пресечения в виде заключения под стражу». Адвокат что-то мямлит о подписке о невыезде или домашнем аресте. Суд дает слово тебе, ты встаешь: «Я не согласен. Я не буду скрываться от следствия и не собираюсь воздействовать на свидетелей».

Тебе не приходит в голову, что здесь, в суде, каким бы он ни был, ты можешь во всеуслышание заявить о пытках — и, как минимум, твои слова будут зафиксированы в протоколе судебного заседания. А может быть, если в зале суда будет кто-нибудь, кроме винтиков системы, информация просочится на волю. Но. Просто не приходит в голову! Ты еще не знаешь, что регламент можно ломать. И его нужно ломать!

СИЗО

В ИВС могут продержат до 10 суток. Потом обвиняемого должны перевести в СИЗО.

В СИЗО ты знакомишься с другими арестантами. Кого-то тоже пытали при задержании; кто-то сидит уже не один месяц, но по абсурдному обвинению; кто-то жаловался в вышестоящие следственные органы, в прокуратуру, в суд; кто-то заплатил миллион адвокату. И все сидят.

Притом, если тобой занимается ФСБ, ты, скорее всего, будешь сидеть на спецблоке — на корпусе, где маломестные камеры, нет мобильных телефонов, а вместо продажных прапоров на проходе неподкупный майор. Короче, изоляция.

Единственная твоя мысль: дожить до суда, а там доказать, что ты невиновен. Может быть, еще мысли о доме, о родных — ты им уже написал письмо и ждешь ответное.

АДВОКАТ

«Адвокат придет, разберется!» — говорил мой сокамерник Махулав, уроженец дагестанского села Гимры. И это — предельно сжатая позиция многих подследственных, считающих себя некомпетентными в этих «юридических» делах.

Но на деле лоер может быть таким же некомпетентным. Например, его наняли твои друзья, потому что «он Ваську вытащил, когда его менты приняли с граммом гашиша на кармане». Но у тебя-то не грамм гашиша — тебе чекисты шьют ни много ни мало «участие в террористическом сообществе»!

Ты говоришь адвокату про пытки, а он в ответ качает головой и вздыхает: «Это ужасно!» Ты ему рассказываешь, что абсурдную «явку с повинной» у тебя «выбили» при задержании чекисты, и он советует обязательно все рассказать на суде.

Я не говорю, что все адвокаты такие — не имеющие ни желания, ни способностей оказать подследственному правовую помощь в случае пыток, — но многие. Очень многие.

Может быть, их этому не учили. Может быть, они боятся ФСБ. Я не знаю. Может быть, им просто ***** [плевать]. Но факт остается фактом. Редкий адвокат проявит инициативу и начнет доказывать, что вас пытала ФСБ.

МОСКОВСКАЯ СПЕЦИФИКА

И еще важный момент.

Я был сильно удивлен, насколько грубо сработала ФСБ в «деле Сети» — столько явных следов пыток!

В то же время нас, фигурантов «дела АБТО», чекисты пытали так, что никаких следов не оставалось. Другие встреченные мной жертвы пыток ФСБ в Москве говорили о том же. Московская специфика? Возможно.

Ведь ток — а это излюбленный метод чекистов — можно пытать, абсолютно не оставляя следов!

Меня пытали электрическим током при первом задержании, в ночь с 4 на 5 марта 2010 года. Провода

подключали вначале к щиколоткам, а потом к вискам. Собирались еще и к яйцам... По ощущениям — я ведь ничего не видел — на концах проводов были небольшие металлические пластинки. И потом я честно искал следы этой экзекуции. Нету их!

И хер ты что докажешь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Как это ни удивительно, но впервые официально заявить о пытках меня вынудил следователь. На допросе 27 января 2011 года — спустя месяц после второго и окончательного задержания.

Следователь по особо важным делам подполковник юстиции Станишевская Анна Александровна предъявила мне «копию приложения к протоколу допроса свидетеля Асташина И.И. от 05.03.2010 (схема «Синдиката» и спросила, что я могу пояснить по «данному документу». Посоветовавшись с адвокатом, я не стал ничего выдумывать и достаточно подробно рассказал следователю, как меня пытали в ночь с 4 на 5 марта 2010 года, и как потом меня заставляли писать всякие небылицы о несуществующих организациях, в том числе о «Синдикате» (Асташина обвинили в причастности к «Синдикату „Автономная боевая террористическая организация“»- *ОВД-Инфо*).

И что вы думаете? Следователь Станишевская даже провела 30-суточную проверку сообщения о преступлении. Однако по ее итогу «заявление Асташина И.И. полностью опровергнуто» объяснениями оперов уголовного розыска ГУВД по г. Москве и УФСБ по г. Москве и Московской области, которые меня задерживали и пытали.

Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Система.

ПРАВОВАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ

С конца 2012 года я пишу жалобы в различные инстанции, если считаю, что нарушаются мои права. О том, что «так можно» и как это делается, я узнал в тюрьме, в Красноярске.

Но в 18 лет, когда меня «приняли», я ничего об этом не знал. Абсолютно ничего.

В первой моей камере на спецблоке «Матросской тишины» взрослые дядьки, все как на подбор сидевшие по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК (убийство, совмещенное с разбоем, вымогательством или бандитизмом — *ОВД-Инфо*), советовали мне: читай УК и УПК. И я читал. Но про пытки там не было ни слова!

И я думал, как получить меньше срок. А когда мне предъявили девять «205-х» (статья УК о терроризме — *ОВД-Инфо*) вместо двух «213-х» (статья о хулиганстве — *ОВД-Инфо*) — как отбиться от необоснованного обвинения и не уехать на 15 лет. Но я не думал о том, как доказать факт пыток и наказать гэбэшников. Потому что в УК и УПК ничего про это нет. Не только, конечно, поэтому, но и поэтому в том числе.

ПРАВозащитники

А с правозащитниками вообще все просто. Кто это такие? Кто их видел?

Я, черт возьми, про ОНК узнал, просидев больше года в тюрьме. И то, благодаря моим новым знакомым — сокамернику Даниилу Константинову и журналисту Павлу Никулину, освещавшему наш процесс. Благодаря им в стенах «Матросской тишины» я познакомился с настоящими правозащитниками, на тот момент членами ОНК Андреем Бабушкиным и Анной Каретниковой.

Позже, где-то года с 2013, я стал обращать внимание на упоминавшиеся в «Новой газете» правозащитные организации «Агора», «Комитет против пыток», «Общественный вердикт», также узнал о «Комитете за гражданские права».

О «Комитете за гражданские права», лицом которого является Андрей Бабушкин, среди заключенных известно хоть что-то — можно найти адрес, минимальную информацию. О Бабушкине среди зеков ходят легенды, его уважают и им восхищаются, а его «Карманную книгу заключенного» ценят выше любой юридической литературы.

О других же правозащитных организациях мы знаем только из прессы. Нет даже адресов. Да, они делают какие-то важные вещи. Но обычный зек, а тем более только что попавший в тюрьму арестант, не может туда обратиться — потому что не знает как! Куда писать? На деревню к дедушке?!

СУД

И вот на суде ты рассказываешь, как тебя пытали опера ФСБ...

Но на это у суда есть две заготовки.

Первая: «Почему Вы не обратились по данному факту в следственные органы?»

И вторая: «По данному факту Вы обращались в следственные органы, но следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела».

Все понятно?

Некоторые представления о том, как проходят подобные судилища, где даже свидетели заявляют, что их «вывозили в лес», можно получить из моей статьи «[Фальсификация](#)

и электростанция», написанной еще пять лет назад — по горячим следам.

ИТОГ

Почти все вышеописанное — о пытках при задержании вообще. Однако статья не зря называется «Пытки и ФСБ».

Чем качественно отличается ФСБ от других силовых структур, я думаю, объяснять не надо. Об этом уже немало сказано, в том числе и мной.

В то же время именно против ФСБ выступают редко — протестов, связанных, например, с действиями МВД, в разы больше. И тому есть простое объяснение: обычные граждане с ФСБ не пересекаются или пересекаются крайне редко, а с наглостью, коррумпированностью, беспределом, безнаказанностью ментов встречаются чуть ли не каждый день.

То же самое и с пытками. ФСБ участвует только в уголовных делах «государственной важности». И из 100 задержаний, может быть, лишь одно проходит с участием чекистов.

Вместе с тем, среди жертв пыток в ФСБ есть и настоящие террористы, на ком кровь мирных граждан. И такие люди, скорее всего, о пытках не заявляют вообще. Да и широкого сочувствия им ожидать не стоит.

Но пыткам не может быть оправдания. Не может быть никаких исключений. Пытки остаются пытками вне зависимости от того, кого пытаются — невиновного подростка или террориста, убившего 100 человек. Очень правильные слова на эту тему **сказал** председатель «Комитета против пыток» Игорь Каляпин: «Нет более страшного посягательства на идею человеческой свободы, чем пытка. Это более страшное преступление, чем

убийство, это посягательство на самое важное, что есть у человека, — на свободу воли».

Поэтому обществу необходимо приложить усилия, чтобы пытки, которыми чекисты не гнушаются ни на Кавказе, ни в Москве, освещались, расследовались и осуждались хотя бы на уровне гражданских институтов, если не судебных инстанций. Есть — опять же — ЕСПЧ, ООН и другие международные органы.

Молчать нельзя в любом случае. И не только жертвам пыток, но и всем нам — свидетелям пыток, поставленных в России на поток. Молчание — знак согласия. Если ты молчишь, зная о пытках, — ты соглашаешься.

Да и грань-то ведь очень тонкая: сегодня пытаются террориста, а завтра — тебя.

Февраль 2019 года.

Политзаключенный Иван Асташин.

Дело АБТО

Уголовное дело о серии поджогов, которые ФСБ квалифицировало как террористическую деятельность. Фигуранты дела не раз заявляли, что АБТО не в действительности не существовала.

5 24

Ещё почитать

02.03.2026 **Москва**

Екатерину Шульман заочно приговорили к году колонии по «иноагентской» статье